

Звук трескающегося барьера прозвучал так звонко, будто раскололся лейд.

Защитное заклинание Нахо перед лицом тьмы покрылось бесчисленными трещинами, а осыпающиеся крошки розового света разлетелись во все стороны подобно снежинкам. Щупальце проклятого существа пробило барьер, целясь прямо ей в грудь —

А затем его рассекла золотая молния.

Фейт появилась перед Нахо, и Бардиш, обратившийся огромным серпом, одним ударом разрубил рвущуюся вперед тьму. Она двигалась чуть медленнее обычного, тяжело дыша, а черные узоры уже успели расползтись по ее шее, но она все равно продолжала стоять там, заслоняя Нахо собой и глядя лицом к извивающейся бездне.

— Уходи, — хрипло произнесла Фейт. — Не твой уровень вмешиваться в этот бой.

— Я не могу отступить! — Нахо снова вскинула Сердце Сияния, и кончик посоха вновь вспыхнул розовым сиянием. — Ты ранена! Эта черная штука поглощает тебя!

— Не твое дело.

— Мое! — Нахо впервые повысила голос на Фейт. — Потому что я вижу! Тебе тяжело! Ты страдаешь!

Тело Фейт едва заметно дрогнуло.

Вокруг них бушевала буря, фиолетовые молнии разрывали небо, обломки руин взмывали в воздух, превращаясь в пыль. Ядро проклятого существа — тот огромный фиолетовый кристалл — начало бешено пульсировать, и с каждым ударом оно испускало всё более мощные волны злобы.

[Внимание: активность цели продолжает расти, скоро начнется полное пробуждение], — голос Бардиша оставался холодным, но в нем прозвучала нотка спешки. — [Рекомендуется немедленно использовать снятие ограничений, Хозяйка].

Фейт не ответила.

Она смотрела на Нахо, и в ее янтарных глазах впервые промелькнуло отчетливое замешательство. Не гнев, не презрение, а что-то гораздо более глубокое — словно запертый в темноте человек внезапно увидел свет, и его первой реакцией стала не радость, а резь в глазах.

— Ты ничего не понимаешь, — вымолвила Фейт, и ее голос прозвучал так тихо, что его едва не заглушила буря. — Некоторым битвам... суждено быть одинокими.

— Тогда не будь одинокой! — Нахо шагнула вперед, становясь рядом с Фейт плечом к плечу. — Позволь мне помочь тебе! Мы можем вместе...

— Вместе? — Фейт неожиданно рассмеялась. Нахо впервые видела ее улыбку, но та оказалась горше любого выражения лица. — Сражаться вместе? Нести всё вместе? А что потом? Когда ты узнаешь, в чем моя миссия, когда увидишь, что я обязана сделать, ты всё еще сможешь сказать это слово — вместе?

Она повернулась лицом к снова бросившейся на них тьме, а Бардиш закрутился в ее руке.

— Такамати Нахо, ты слишком наивна. Наивным детям положено оставаться в наивном мире.

Золотая магия выплеснулась вокруг нее, став сильнее, чем в любой из прошлых раз, но вместе с тем и куда менее стабильной. Черные узоры в лучах золотого света побежали еще быстрее, паутиной оплетая ее щеки. Фейт сжигала собственную жизнь, ценой саморазрушения выменивая силу.

Нахо поняла — Фейт не сражалась.

Она приносила себя в жертву.

Отдавала всё, что у нее есть, в обмен на надежду, чье осуществление было под вопросом.

— Не надо! —

Нахо бросилась вперед.

Не на проклятое существо — на Фейт. В полете она широко раскинула руки, но вовсе не для атаки — это был жест объятия. Розовое сияние хлынуло из ее груди не ради боя, а чтобы...

Установить связь.

[Активирован принудительный резонанс], — голос Сердца Сияния зазвучал в сознании обеих девушек одновременно. — [Обнаружены колебания магии с одинаковой частотой, устанавливается временная связь].

Фейт в изумлении широко раскрыла глаза.

Нити розового света потянулись от Нахо, оплели тело Фейт и переплелись, сливаясь с ее золотой магией. То было не нападение и не путы, а... исцеление. Магия Нахо, подобно самой нежной руке, проникла в хаотичные магические каналы Фейт, сглаживая разорванные от

перегрузки узлы и замедляя продвижение темного заражения.

— Что ты делаешь?! — Фейт попыталась вырваться, но тело уже не подчинялось ей. Магия Нахо была до того теплой, что от этого тепла ее слишком долго зачоченевшее сердце пронзила боль.

— Я помогаю тебе, — лоб Нахо прижался ко лбу Фейт, и их магические силы в этот миг слились воедино. — Я не знаю, какова твоя миссия и с чем тебе приходится сталкиваться, но я знаю одно: взваливать всё на себя в одиночку — это слишком тяжело.

Розовый и золотой свет спиралью взметнулся вверх, расчищая клочок чистой земли посреди фи[л]етового шторма.

Атака проклятого существа обрушилась на объединенный барьер и впервые отскочила назад.

— Так что хотя бы сейчас, хотя бы здесь... — Нахо открыла глаза, и слезы смешались со стекающим по лицу потом, но улыбка ее сияла невероятно ярко, — позволь мне быть с тобой.

Фейт приоткрыла рот, но не смогла вымолвить ни звука.

Те заготовленные заранее, ледяные и отталкивающие слова в этот миг полностью потеряли силу. Ведь Нахо не спросила почему, не сказала я смогу понять, она лишь произнесла: это слишком тяжело.

Она просто признала всю тяжесть ее ноши.

Просто признала ее одиночество.

И протянула руку.

Эпицентр бури внезапно затих.

Не звуки стихли — воцарилась куда более глубокая тишина, тишина самой души.

Фейт закрыла глаза.

Когда она открыла их вновь, ледяные стены рассыпались. На дне янтарных зрачков что-то таяло, струилось и собиралось заново.

— Дурочка, — тихонько выговорила она, и в ее голосе послышался срыв. — Ты еще пожалеешь об этом.

— Тогда позволь мне пожалеть, — Нахо крепче сжала ее ладонь. — Но только не жалея в одиночку.

Золотой и розовый свет слились воедино, превращаясь в бело-золотой столп, устремившийся прямо в небеса.

Проклятое существо издало последний предсмертный вопль и обратилось в пепел среди сияния.

Огромный фиолетовый кристалл раскололся, и осколок ядра взмыл к ладони Нахо, прикоснувшись к ее коже и в тот же миг превращаясь в кроткий розовато-лиловый драгоценный камень.

Буря улеглась.

Над руинами медленно опускались на землю две девочки.

Фейт опустилась на колени, тяжело кашляя. Черные узоры медленно блекли, но на коже оставались глубокие следы. Нахо опустилась рядом с ней на колени, продолжая держать ее за руку.

— Почему? — Фейт не смотрела на нее, уставившись на землю. — Мы ведь враги.

— Враги тоже могут понимать друг друга, — ответила Нахо. — Враги тоже могут... стать друзьями.

Фейт наконец подняла голову.

Лунный свет пробился сквозь редяющие облака, падая на ее лицо. Дорожки слез блестели в лунном свете, но она даже не пыталась их вытереть.

— Моя мама... — заговорила она прерывающимся голосом. — Она умирает. Драгоценные Камни Души — наша единственная надежда. Я должна собрать все двадцать один, чтобы их силой... переписать реальность и исцелить ее.

Нахо затаила дыхание.

— Но переписать реальность требует цены, — продолжала Фейт, и каждое ее слово сочилось кровью. — Это могут быть чужие жизни, баланс какого-то мира или всё, что есть у меня самой. Даже после этого ты всё еще хочешь мне помочь?

Над руинами царила абсолютная тишина.

Вдалеке уже слышался слабый вой сирен — приближались спасатели.

И посреди этих руин две девятилетние девочки — одна стоя на коленях, другая на корточках, крепко держась за руки — были готовы решить судьбу всего мира.

Нахо заглянула в глаза Фейт.

Вгляделась в бездонную скорбь на дне этих глаз, разглядев сквозь нее крошечный, но упрямо не гаснущий огонек надежды.

Она глубоко вздохнула.

— Я помогу тебе, — произнесла она. — Мы будем искать вместе. Отыщем способ исцелить твою маму так, чтобы не пришлось жертвовать никем.

Фейт улыбнулась.

На этот раз по-настоящему, со слезами, с горечью, но и с каким-то облегчением на душе.

— И впрямь дурочка.

— Угу, — Нахо тоже улыбнулась. — Иначе мы бы не встретились.

Видеоряд замер на моменте, где две девочки под лунным светом смотрят друг на друга и улыбаются.

Шкала прогресса качнулась:

Прогресс наблюдения: 12.7%

Скоро начнется ключевой сюжет: Контракт

В пространстве воцарилась трехминутная абсолютная тишина.

Никто не произносил ни слова.

Никто не шевелился.

Даже дыхание казалось едва слышным.

Первой шевельнулась Ван Мо — она подняла руку и вытерла глаза. А затем заметила, что ее пальцы дрожат.

Дрожали не только руки — всё ее тело мелко подрагивало.

— Она сказала... — голос Ван Мо сорвался на плач. — Она сказала я помогу тебе.

— Прекрасно зная, что это значит — пойти против всего мира, — тихо подхватила Чэнь Сысы.

— Зная, что придется отдать абсолютно всё.

— Но она всё равно произнесла это, — Шу Янь снял очки и протер стекла; его руки тоже дрожали. — Потому что вместо законов мира она выбрала слезы человека, стоящего перед ней.

Принцесса Духов сложила руки перед грудью и закрыла глаза. Слезинка скатилась по ее щеке, упала на белоснежную землю и растаяла, превратившись в крошечные искры света.

— Что... что это за мужество, — прошептала она.

— Глупое мужество, — холодно бросил Инь Чэнь. — Руководствоваться эмоциями, не думая о последствиях. Она понятия не имеет, что значит переписать реальность.

— Зато она знала, что Фейт страдает, — произнес Водный Принц, не отводя взгляда от замершего изображения. — Она знала, что прямо перед ней кто-то падает в бездну. И потому она протянула руку, пусть даже ее могло затянуть следом.

Веер Янь Цзюня медленно раскрылся и так же медленно сложился.

— Наивность идеалиста, — вынес он вердикт, но в его голосе не было насмешки. — Но именно эта наивность сокрушила лед в сердце реалиста. Вы только посмотрите на взгляд Фейт — до того момента она уже распрощалась с надеждой на понимание.

Мировой Король медленно откинулся на спинку трона.

Выражение его лица под маской оставалось скрытым от всех, но пальцы, лежавшие на подлокотниках, чуть заметно постучали по дереву.

— Значит, — медленно промолвил он, и его голос раскатился по безмолвному пространству, — вот они какие, волшебницы того мира.

Не ради справедливости.

Не ради долга.

Даже не ради спасения мира.

А просто ради незнакомого человека, ради грусти в ее глазах, ради слов: это слишком тяжело.

Он замолчал на мгновение, а затем продолжил:

— Какая непозволительная доброта.

— Какая опасная нежность.

— И как же... — его палец снова отстучал такт, — вызывают зависть эти лучи света.

Никто не осмелился ответить.

Потому что каждый расслышал в голосе Мирового Короля редкую, почти никогда прежде не звучавшую нотку —

То была не ирония и не презрение.

То было нечто сродни тоске.

Тоска по мужеству протянуть руку по зову сердца, не взвешивая выгоду и не спрашивая, где правые, а где виноватые.

Тоска по той глупости, когда хватаешься за руку другого человека, даже стоя на краю бездны.

Тоска по... вере в чистый свет посреди кромешной тьмы.

Изображение стало медленно растворяться.

Раздался нейтральный голос:

[Наблюдение этого фрагмента завершено]

[Обнаружен глубокий эмоциональный резонанс: более 87% наблюдателей испытали сильные

колебания чувств]

[Следующий фрагмент начнется после стабилизации эмоций всех наблюдателей]

[Рекомендуемое время отдыха: 30 минут]

Пространство снова залило ярким светом.

Но никто не поднялся с мест.

Каждый переваривал только что увиденную картинку, переваривал клятву, которой обменялись две девочки среди руин, и те простые, но тяжелые словно гора слова:

Я помогу тебе.

Принцесса Цветов прижимала к себе игрушку, и ее слезы текли беззвучно.

— Так тепло... — всхлипнула она. — И так больно...

Да, тепло и больно.

Тепло оттого, что кто-то готов протянуть руку.

А больно оттого, что большинство присутствующих прекрасно понимали —

Реальность редко дарует такой теплоте шанс на выживание.

<http://bllate.org/book/21178/2144953>